

ЩАДЯ МАТЕРИНСКИЕ СЕРДЦА

Десятилетие афганской войны – время писем. Сколько сердец трепетало над ними там, в далеком Афганистане, и здесь, на родной земле, сколько слез пролито над ними. О многом могли рассказать «афганцы», волею присяги оказавшиеся втянутыми в жестокую и изнурительную войну. Но, видимо, щадя материнские сердца, почти не упоминали в письмах домой о тех тяготах и лишениях, которые выпали на их долю. Да и па первых порах действовала жесткая установка свыше – не упоминать места пребывания, не писать об участии в боевых действиях, а уж тем более сообщать о фактах, и подробностях, гибели наших военнослужащих.

Как это перекликается с историей. Вот что писал М. Ю. Лермонтов из крепости Грозная в ноябре 1840 года:

«Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна, а списывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законом. Может быть когда-нибудь я засяду у твоего камина и расскажу тебе про долгие труды, ночные схватки, утомительные перестрелки, все картины военной жизни, которых я был свидетелем».

Сергей Короткин родился 30 января 1961 года в Витебске в семье военнослужащего. Учеба в школе, Витебский учебный авиационный центр, офицерские курсы при Саратовском высшем военном авиационном училище летчиков в 1983 году. Увлекался футболом, хоккеем, любил кататься на велосипеде, в Витебской морской школе прошел подготовку и получил удостоверение «подводного пловца».

После окончания училища распределен в Дальневосточный военный округ, а через семь месяцев в августе 1984 года, двадцатитрехлетний лейтенант С. Короткий направлен для дальнейшего прохождения службы в Афганистан летчиком-штурманом 335-го отдельного вертолетного полка. Спасске-Дальнем осталась жена Галина с трехлетним Сашей, ожидая второго ребенка.

Из служебной характеристики на лейтенанта Короткина С. В., летчика-штурмана вертолета МИ-8: летает грамотно, уверенно. В сложной обстановке действует хладнокровно. Имеет общий налет 214 часов. По характеру спокоен, выдержан. Внешне опрятен, в строевом отношении подтянут. Среди товарищей пользуется авторитетом. Вывод: занимаемой должности соответствует, целесообразно использовать на летной работе. Командир в/ч 29728.

Ниже – подборка писем Сергея Короткина родителям из Афганистана. Те, что шли по домашнему адресу. И два последних – отцу, военному врачу, побывавшему в составе ограниченного

контингента советских войск в ДРА в 1979–81 годах. В них Сергей откровенно отвечает на вопросы отца. Одно из них – порвано в клочья, чтобы случайно не прочитала мать, у которой больное сердце.

«9.08.1984 г.

Пишу я вам из Газни, теперь я буду здесь находиться. Я жив и здоров, чего и вам желаю. Здесь намного прохладней чем в Джелалабаде. Даже поговаривают, что через два месяца наступит зима. Это оттого, что Газни находится над уровнем моря на 2200 м. Кормят здесь немного похуже, чем в Джелалабаде, но жить можно. Я уже начал летать. И сразу стало легче. Работы, конечно, много, но это к лучшему. В работе время летит быстрее.

Вместе с вашим письмом написал Гале, поздравил с 4-летием со дня свадьбы. Да, хочу сразу вас предупредить, что возможны перерывы с письмами сроком до месяца. В этих случаях не волнуйтесь, так надо.

Новостей особых нет. Все по-старому. Поменьше слез. Они не нужны (это я маме)».

«31.08.1984 г.

Наконец-то я получил известие, которое меня успокоило, а то я на самом деле разволновался. Полеты полетами, а мысли всегда при мне. Завтра уже первый день осени. У нас эти дни красивее. Как хорошо сейчас в лесу, грибов уже, наверное, полно. Поедете в грибы, не забудьте взять Сашу. Покажите ему лес, научите его видеть и ценить прекрасное, пока меня нет рядом. Обязательно свози его на рыбалку. Ты же знаешь, как он любит быть на воздухе.

Когда был в Кабуле, приходилось видеться с десанниками из твоей части, но знакомых пока не нашел. Живу нормально, всего хватает, и работы тоже. С 12 августа налетал 80 часов. В начале сентября ухожу на Панджшер, я думаю, ты знаешь, где это. Там придется с месяц поработать.

Вижу много своих ребят с училища, человек 15, тоже воюют! Так что я тут не один, на каждом аэродроме свои ребята. На зиму нам строят модуль – дембельская работа, растет на глазах. Будем жить в комнатах по 3 человека (экипаж)».

«4.09.1984 г.

...На Панджер пока не пошли. И без нас есть кому. Так что сижу на старом месте, пока отдыхаю. Уже не летаю четыре дня, обстановка сейчас спокойная. Какой день недели, здесь не имеет значения. Выходных официальных нет. Летают даже в праздники. Ты пишешь, что праздник здесь не праздник – это не так. Праздник и здесь праздник. Был у нас и концерт, и праздничный стол, и даже матч по волейболу с афганцами, который мы, к нашему сожалению, проиграли.

Модуль, в котором будем зимовать, уже почти готов. Через пару недель вселимся. Модуль строго для летного состава, и как ни пытается батальон пролезть, ничего не получилось и не получится. А свободный летный состав строит шикарную баню с бассейном.

Сейчас ребята принесли мне фотографию. Как вы уже, наверное, узнали, я. Этот снимок сделан после посадки в Асабад. Берегите фотографию, она мне очень дорога как память о первом боевом вылете.

Пишите, как там Саша. Поцелуйте его за меня...».

«21.09.1984 г.

Пишу вам после долгого перерыва. Но на это были причины – “командировка”. Вот только прилетели к себе на аэродром. Бываем на многих аэродромах, а на свой летим как к себе домой. Кстати, о доме. Нам построили новый модуль. Скоро буду вселяться. Уже идут отделочные работы. Комнаты разделили. Будем жить по четыре человека. Мы с моим командиром и наш ведомый с правым летчиком. Даже в этом нас хотят как можно ближе свести. Вот так и живем. Как-никак, а два месяца выжили, впереди всего лишь год.

Спасибо, что купили Саше велосипед. Хорошо, что он часто на улице с бабушкой, быстрее поправится. Рассказывайте ему обо мне, а то приеду и не узнает.

Вы пишете, чтобы писал чаще. Но, мама, что писать, ведь здесь все однообразно – спишь, ешь, летаешь. Так что не обижайтесь».

«26.10.1984 г.

..Пишу вам запоздалый ответ. Ваше письмо с известием, что у меня родился сын, пришло вместе с Галкиным, в один день, правда, даты отправления разные. Забот у вас и так хватает, но скоро добавится. Вы уж потерпите, пожалуйста. Нервы у всех нас измотаны, учтите и это. Рождение сына пока не замачивали. Нет дрожжей поставить бражку. А водки на такую ораву не напасешься. Но это местные заботы...».

«1.11.1984 г.

..Скоро праздники. Мы тоже по-своему готовимся к ним. Ведь хочется встретить праздник, как все – за столом. Ждем поездки в Кабул. А так почти все уже собрали. Переселились в модуль.

Тут хоть жить можно по-человечески. Да и отдохнуть после полетов есть где. Кормить нас стали лучше, пища более разнообразная. Здорово помогают нарзан и боржоми. Они здесь свободно продаются.

Папа, ты просишь рассказать, какая у меня должность.

Так вот, я летчик-штурман вертолета МИ-8МТ. У меня такое же управление, как и у командира. Я могу управлять вертолетом, но главная моя задача – это штурманская работа. Каждый командир вертолета проходит через это...»

А вот письма, написанные после поездки в Союз в декабре 1984 года.

«20.01.1985 г.

..Добрался я хорошо, но, правда, немного помотался. Из Москвы добрался до Ташкент не сразу. Из-за непогоды пришлось ночевать во Фрунзе, а потом только попали в Ташкент. Из Ташкента в Кабул улететь проблема. Вот я и отсидел три дня в Ташкенте. Добрался домой и сразу же полетел в Джелалабад в командировку. Хотели туда и назад, но погода испортилась, неделю отсидели в Джелалабаде. Там я покупался, даже немножко загорел...».

«1.02.1985 г.

..Дела мои идут по-прежнему. Вот только помолодел на один год. Праздновали день рождения своей комнатой. Очень пригодились грибы. Все тебя хвалили. Нашли в грибах еловую веточку маленькую. Так я повесил ее над кроватью. Варенье до этого знаменательного дня не дожило, а сало еще есть. Думаю, до 23-го продержится.

Сегодня первый день последнего месяца зимы. А там и весна. Надеюсь получить в конверте хоть один подснежник...»

«17.03.1985 г.

...Служба идет своим чередом. Как-никак, а почти восемь месяцев. Срок по здешним меркам солидный. У нас ребята заменяются 14 мая. Работы многовато. Частенько приходится и недосыпать. Что там слышно про Олега Баранова, или у них все затихло? Дай-то бог. Нечего ему тут делать.

Теща пишет, что мои дети скоро вырастут без папы. А что поделаешь, такая уж жизнь у меня сложилась. Я не жалею. Слишком много пришлось и повидать, и пережить, и понять...»

И уже упоминавшиеся два письма отцу.

«3.09.84 г.

Здравствуй, папа!

Пишу тебе все оттуда же – из Газни. Ты молодец, что додумался дать свой адрес. А то я тебе ничего не мог писать толком.

Насчет боевых вылетов, то их у меня в августе было восемьдесят три. Как впечатление? Ну какое тут к черту впечатление, только работа. Надо видеть все, следить за приборами, бомбить и не выпускать из виду ведущего. А впечатления уже дома, после обсуждения ошибок, да и то ими ни с кем не делишься. Страшно ли? Скажу прямо – нет. Наверное, просто не до этого. Холодок пробегает, когда теряешь, уже ставших близкими, друзей. Вот тогда скорей бы в небо, отомстить за них и только после этого станет легче на душе и перед ними. Нет, это не истеричное желание побороть страх что ли – нет. Это строго продуманный удар по врагу. А смерть товарищей – она только делает нас дружнее, сплоченнее.

Вот такая у меня служба. Ничего особенного в ней нет. Ты сам тут был, и объяснять тебе сильно не надо. И все-таки, когда по тебе стреляют, то приятного мало.

На этом письмо свое кончаю. Маме не вздумай показывать».

«15.10.84 г.

...Служба моя идет своим чередом, летаю потихоньку. Уже совершил 154 боевых вылета. Вот и делай выводы...

Летаю я на вертолете МИ-8МТ, он стоит на фоне, той фотографии, что я тебе прислал. Машина очень хорошая и надежная. Но тут никакая техника недолговечна – такие условия. А так всякое бывает. Работаем на износ. Что конкретно. Работаем на спецназ. Бомбим, перевозим все, что можно, уничтожаем наземные цели. Хотя вертолет транспортный, но вооружение очень сильное. Бомбы бросаем не ниже 1500 м над рельефом и необязательно в горы или ущелья, бросаем в любые цели. А насчет впечатлений, то какие к черту впечатления, просто оценишь, как отработал, и домой. Нет тех острых впечатлений. Наверное, привык. Летаем по-разному, но в основном парой. В одиночку не ходим. Ну а насчет, как огрызаются, то ведь тут идет война, каждый работает на выживание и, естественно, они отвечают тем же. А оружие у них самое разнообразное, есть и новейшее. Ну да мы не боимся, ведь мы тоже не стоим на месте. Но, кажется, и за мной пришли – пора. На этом кончаю. Пиши. До свидания. Всем привет. Поцелуй Сашеньку».

Старший лейтенант Короткин Сергей Владимирович погиб 20 марта 1985 года. Вертолет с экипажем и советниками был сбит моджахедами после вылета из Джелалабада в районе населенного пункта Рабат.

Строки из стихотворения однополчанина Сергея В. Галуцких, посвященного памяти погибшего экипажа:

Ревут моторы зычным громом,
И взлет стремителен и крут.
Нам не нужны аэродромы,
Мы будем там, где нас не ждут.
Пилоты вы, каких здесь мало,
К тому же, и дружнее нет.
Хороших дел вы сделали немало,
И жаль, что с нами вас сегодня нет.
Перед полетом вы шутили,
Не зная, что вас ждет беда.
Вы честно Родине служили,
Долг выполняя до конца!

Валерий Чкалов